

Виктор Воронов
ПРИГОРШНИ
ИЗ ТУЕСКОВ ПАМЯТИ

Части первая, вторая и третья
Сорок семь туесков

ЧЕРЕМХОВО
ЧИКОЙ
ЧИТА

БАЙКАЛ

ИРКУТСК

БОРЗЯ

ШЕЛЕХОВ

МОСКВА

ПУСТОШКА

ПОВАРОВКА

Виктор Васильевич Воронов

Пригоршни из туесков памяти.

Части первая, вторая и третья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17860359

*Пригоршни из туесков памяти. Часть первая, вторая и третья. Сорок
семь туесков: 2010
ISBN 978-5-98597-178-1*

Аннотация

Эта книга о земляках автора – замечательных и удивительных людях Забайкалья и Прибайкалья, о тех, кто никогда особенно ничего не ждал, не ждёт и не будет ждать от властей, от начальства, от «барина», от «воеводы», от «милостей царя», а кто опирается всегда, и, прежде всего, на собственные силы и добывается всего в жизни сам – своим трудом!

Третье объединённое издание включает, выпущенные в 2005 и 2007 годах, части первую и вторую «Пригоршни из туесков памяти», а также новую Часть третью. При этом автору, несмотря на прошедшие с предыдущих изданий годы и приобретённый за это время опыт, не потребовалась их особая доработка. Всё это вновь воспринимается не как своеобразный отчёт или мемуары, а как душевные размышления о самом сокровенном, дорогом и многократно обдуманном. К тому же читать книгу можно, открыв

наугад любую страницу, где почти каждый абзац – небольшое самостоятельное произведение.

В книгу также вошли, полюбившиеся читателям, тонкие наблюдения о пчёлах, природе, времени, труде, жизни, простых и прекрасных людях, которых автору посчастливилось встретить в других уголках нашей необъятной Родины, любовно и гордо зовущейся Россией. Именно с ней – Россией – неразрывно связаны судьбы автора и близких его сердцу людей, упомянутых в его **пронзительных туесках доброй памяти.**

Содержание

Часть первая	5
О ТУЕСКАХ И ПРИГОРШНЯХ	7
ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА	12
ГЛОТОК РОДИНЫ	17
ЧИКОЙ	27
ШКОЛА	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виктор Воронов

Пригоршни из туесков памяти. Часть первая, вторая и третья. Сорок семь туесков

Часть первая

Москва – 2005

Эти записи – туески, как я их назвал, сделаны для себя и самых близких мне людей – мамы, жены, брата, сына, племянников и племянниц, невесток, тестя и тёщи, сватовъёв.

Однако вскоре я почувствовал необходимость предоставить возможность их прочесть своим землякам-черемховцам, а также шелеховчанам, иркутянам, москвичам и тверичам.

А теперь, думаю, пусть хоть раз их прочтёт или пробежит глазами и может быть найдёт в них для себя что-то своё, сокровенное, свежее и родниковое

любой желающий.

Я буду этому только бесконечно признателен!

Автор

О ТУЕСКАХ И ПРИГОРШНЯХ

По словарю известного исследователя русской словесности Владимира Ивановича Даля **туес** – восточносибирское слово (уменьшительное – **туесок**) – «...**бурак, бурачок, берестяная кубышка, с тугою крышкою и со скобкой или дужкой в ней**».

Деревенские умельцы делали их из бересты. Для этих целей выбирали ровную, с меньшим количеством сучков на основной части ствола, берёзу. Спиливали её весной или летом, когда по ней шёл берёзовый сок и ещё не появилась сладковатая гущина – мезга. Далее распиливали берёзу на отмеренные, по предполагаемой высоте тuesa, куски и специальным инструментом – сколотом (типа стамески) снимали кругами внутренний – жёлтый слой бересты, начиная с тонкой части, как бы с вершины, дерева.

Затем, снятую кругами и цельную (не разорванную) бересту (сколоту) запаривали в горячей воде, заворачивали снизу и сверху, оборачивали вторым слоем бересты – «рубашкой» (уже не цельной, а с замком) и ставили дно. Оно выпиливалось и подгонялось впритирку. Береста после кипятка ссыхалась и дно держалось очень крепко. А сверху делали крышку с дужкой или скобкой.

Туески бывали разных размеров – от самых маленьких, в которые не смогла бы даже пролезть рука ребёнка, до больших, в которые почти как в кадки (бочки) хозяйки аккуратно, слой за слоем, укладывали и солили губастые сырые грузди и рыжики. Занесённые с мороза в дом, они источали приятный запах берёзы и берёзового сока. В них в ранешние времена держали разное – сметану, бруснику, соль, творог, сахар, простоквашу и даже молоко. В туесках оно подолгу не скисало.

Конечно, туески были не такие, как сейчас в большинстве своём встречаются среди продаваемых сувениров. А настоящие – двойные, без стыка на внутреннем слое и достаточно прочные. Подобный туесок привезли нам родственники жены из Шелехова. Изготовлен он был более ста лет назад. И он, по-прежнему, пригоден для всего того, для чего и был сделан каким-то прекрасным и мастеровитым человеком из села Олха Иркутской области в те такие теперь уже далёкие времена...

Мы тоже в течение жизни многое складываем в свои своеобразные **туески памяти**.

И вот как хозяйка, принося в дом туески из погреба или из кладовки – с холода, как тогда говорили, радовала их содержимым своих домочадцев, так и мне хочется из **туесков своей памяти** выплеснуть **пригоршни** ярких и родниковочистых воспоминаний и впечатлений **о жизни простых, настоящих людей**, с которыми мне посчастливилось в разное время встретиться...

А **пригоршня**, по словарю В.И.Даля, – «...мера сыпи, всего сыпучего: сколько загрести можно в обе ладо-

ни вместе...». Так двумя ладонями рук, совмещая их вместе, можно взять пригоршню зерна, земли, кедровых орехов, брусники, голубики... Пригоршней можно зачерпнуть воду из родника или ручья, чтобы умыться или утолить жажду... Купаясь в реке, пригоршней можно захватывать воду и плескать её себе в лицо или, играя как в детстве, друг в друга.

...Так вот, купаясь в воспоминаниях, **пригоршнями** выплёскиваю **из туесков своей памяти** самое-самое сокровенное и дорогое моему сердцу...

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Этой фотографии почти сто лет. На ней, слева, запечатлён мой дедушка по материнской линии – Швецов Ефим Никитич – забайкальский казак, георгиевский кавалер, большевик, красный партизан, хлебопашец. Он, к сожалению, не дожил до моего рождения, но я много о нём знаю со слов бабушки и мамы, а также бережно храню копию этой сохранённой ими фотографии.

Он прошёл срочную службу в Забайкальском казачьем войске, затем всю первую мировую империалистическую войну 1914–1917 годов, где был награждён георгиевскими крестами, вернулся большевиком в родное забайкальское село Зерен, устанавливал власть Советов в рядах красных партизан в гражданскую войну, а потом, как и многие, снова пахал, сеял, убирал урожай, вступал в колхоз, по чьим-то наветам два раза почти по полгода держался в «органах», но был, по-видимому, полностью оправдан. Об этом свидетельствует ответ на запрос моей мамы в 1996 году в Читу: «...ни в каких архивах не сохранилось документов о его репрессировании».

А на другой фотографии, примерно той же давности, крайняя слева – моя бабушка Швецова Серафима Никифоровна с маленькой дочкой, будущей моей тётей Ирой, свёкром – моим прадедушкой Никитой Клеонидовичем, женой брата мужа Миланьей Кузьмовной и её сестрой Матрёной. Она в те далёкие годы спрятала дедушкины **георгиевские кресты**, как наиболее ценные в доме вещи, в **один из туесков** в кладовке. Японские солдаты, воевавшие на стороне белой армии и зашедшие в их дом, вместе с туесками со сметаной и другими продуктами унесли, к сожалению, и этот туесок с боевыми наградами.

Добрую память о никогда не виданном дедушке и гордость, что я тоже являюсь потомком забайкальского казака,

гураном, как зовут себя коренные жители Забайкалья, я несу в себе всю жизнь. И когда я бываю в Георгиевском зале Московского Кремля и читаю имена георгиевских кавалеров, то каждый раз испытываю трепетное волнение от великой общности с неувядаемой славой наших российских героев.

ГЛОТОК РОДИНЫ

(три дня через тридцать три года)

*...Сюда мы с тобой
непрерывно должны
Однажды вернуться,
однажды вернуться...*

*Михаил Матусовский
(Из песни «Берёзовый сок»)*

В нестерпимую летнюю жару порою т-а-к х-о-ч-е-т-с-я утолить жажду глотком холодной, студёной воды.

А с прожитыми годами всё больше и больше ощущаешь потребность и даже жгучую необходимость в **глотке из светлого и чистого родника детства – глотке Родины.**

Как от холодной родниковой воды сводит зубы, так и от глотка Родины замирают душа и сердце.

В народе не зря говорят: «Тянет туда, где зарыта пуповина...». Так и меня с братом Владиславом тридцать три года неумолимо тянуло в далёкое и родное забайкальское село Черемхово, находящееся в верховьях реки Чикой – на юго-западе Читинской области.

Здесь мы, трое братьев, жили в детстве с мамой, отцом и бабушкой.

Родственников в этом селе у нас никогда не было. Но на вопрос коллег и друзей: «А к кому же вы собираетесь ехать?» – я отвечал, что ко всем, кто помнит нас, нашу семью – к тем, кто был и есть дороже, и ближе, и роднее...

Все эти годы, прошедшие с момента нашего переезда отсюда, жизненные дороги проходили у нас в стороне от Черемхово. Когда я летел по служебным делам на БАМ, в Хабаровск, Тынду, Якутск, Читу, Благовещенск или ещё куда-

нибудь в дальневосточные края, то всегда в первую очередь, старался «завернуть», хотя бы на один день, к родителям – вначале в Борзю, куда они переехали из Черемхово в 1969 году, а затем в Иркутск, куда они перебрались позднее, в 1988 году. (Кстати, один из моментов такой нашей семейной встречи в 1981 году – на фотографии).

В 2002 году мы с братом решили, что всё-таки не надо откладывать, надо съездить в Черемхово и самим провести людей и родные места, да детям и племянникам показать родину их родителей.

...И вот уже яркое июльское солнце, отражаясь от зеркальной глади священного моря Байкала, бьёт прямо в ветровое стекло автомашины, которая мчит нас из Иркутска на восток, за тысячу километров – в таёжное и горное Забайкалье. И хоть так хотелось остановиться и пообщаться в очередной раз с нашим любимым Байкалом, но поскольку главные наши устремления были направлены вдаль, ограничили эти приятные мгновения лишь любованием нашим красавцем через окно автомобиля.

Тридцать три года – немалый срок... И воды в нашей реке Чикой много утекло, да и в нас, в стране и в мире многое изменилось. Но когда мы всё ближе и ближе подъезжали к Черемхово и стали мелькать и всплывать где-то в памяти такие знакомые названия соседних селений – Барахоево, Коротково, Большаково, Красная речка, Фомичёво, Захарово, Осиновка, Шимбилик, Могзон, Большая речка, Афонькино – мы как-будто вновь окунулись в наше далёкое босоное детство...

Сегодня детство кажется нам таким чистым и светлым, как родник. От этого тянет к нему и хочется пить, пить и пить эту кристальную свежесть чувств и простых человеческих отношений...

Ещё тянет к деревне. Деревня, какой я её помню с детства, тоже кажется такой светлой и самобытной. Думаешь – вот жил бы и жил здесь и не знал бы много всего грязного, плохого, нечестного, что, к сожалению, в немалом количестве встречалось и встречается у нас на жизненном пути.

В моей жизни и жизни брата эти два образа – детство и деревня соединены как бы вместе. И именно они являются для нас заповедниками всего самого лучшего, самого слад-

кого, самого вкусного и самого, самого замечательного!

Прекрасные и добрые люди окружали нас в детстве. Мама, бабушка и отец всячески помогали им жить лучше, учили и наставляли их детей, отстаивали существование в селе главного очага культуры – средней школы, строили общими усилиями спортзал, пристройку к школе, Дом охотника.

Односельчане со своей стороны также помогали нам всем, чем могли.

...А вот мы уже сидим в гостеприимном доме Бураковых – старых друзей наших родителей – неторопливо слушаем Василия Петровича и Веру Кузьминичну о житебытье черемховцев за прошедшие годы. И от их, неизменившегося с годами, говора кажется, что всё как и прежде, что как бы и не было этих десятков лет...

Но это не так. Время беспощадно – изменяются и люди, и селения. К нашему удивлению, количество дворов в селе не только не уменьшилось, но даже увеличилось – примерно, раза в полтора. Оказывается, сюда переехали семьи из дальних таёжных поселений. В селе уложили асфальт и даже в части села, вместо одной традиционной вытянутой вдоль Чикоя улицы, возникли две, а местами даже три. На домах, как в городе, появились номера. В школе оборудован компьютерный класс, построена котельная и сделано центральное отопление. Но печки остались в каждом классе – как и раньше – на всякий случай. Уголь для котельной привозят из вновь разработанного разреза около Зашулана – деревни,

казавшейся тогда такой далёкой. Одноклассники оттуда жили в школьном интернате, но на выходные ездили домой. А про залежи угля тогда ходили только отдельные слухи, а об их промышленной разработке никто ещё и не заикался...

Но всё это было сделано, как потом выяснилось, ещё в первые десять-пятнадцать лет после нашего отъезда. А сейчас, к сожалению, разваливается промхоз, безжалостно вырубается тайга и даже кедровые леса, закрылся курорт Ямаровка, редко ходит рейсовый автобус и также редко приходит почта...

Да и о многом другом мы слышали в эти памятные дни. Но главное, что мы:

Встретились : с нашей любимой учительницей математики Татьяной Дмитриевной Соболевой, учительницей Серафимой Ивановной Кожемякиной, семьями Бураковых, тёти Поли и друга детства Яковлева Николая Михайловича, с пионервожатой Грешиловой Любой, с одноклассниками: Шишмарёвым Сергеем Максимовичем, с кем сидели за одной партой – нынешним главой администрации, Колесниковым Иваном Ефремовичем, одноклассниками: Анной Васильевной Михайловой, Надеждой Никитиной и Фаиной Диановой .

Побывали: в родной школе, в знакомых классах, где уже в середине июля был проведён ремонт, полы сверкали и пахло, как и раньше перед началом учебного года, свежей краской; в промхозе – заглянули в кабинет директора, где работал отец; в нашем старом доме – где, как и прежде, живёт семья директора школы; в администрации села – ранее назывался сельсовет; в магазине – на месте бывшего «сельпо», где стояли в очередях за хлебом (в конце лета – перед «шишкованием») и дефицитными товарами.

Поклонились на кладбище могилам тех, кого, к сожалению, не застали в живых, но кого помним, уважаем и может быть кому в своё время не успели сказать тёплые и благодарственные слова...

Поговорили со многими – с кем успели за эти дни встретиться, поздороваться, узнать друг друга и обрадоваться этой редкой и почти невероятной, но, к счастью, действительно предоставленной нам жизнью возможностью.

Съездили, как и в ранишние времена – как «выезд в свет» – на курорт Ямаровка, что в десяти километрах. Попили знакомую с детства минеральную воду «Ямаровка», полюбовались красавцами-кедрами, подышали чудным воздухом соснового леса, запахом тайги, багульника и брусничника.

Угостились в хлебосольном доме Бураковых забайкальскими пельменями, ухой из хариуса, жареным ленком и земляничным вареньем.

Пробежались по лесочку и лугам, где собирали грузди и землянику, косили для коровы Маньки сено...

Вспомнили, что сено гребли деревянными граблями, которые нам делал дедушка Карпов, Максим Елифанович, замечательный деревенский умелец и мудрый старик. Это его внук – Юрка, оставил мне на всю жизнь отметину на голове, почти у виска, сбивая в школьном дворе бумажные самолётики самодельными копьями-дротиками, а сбив с заборного столба меня, пятилетнего мальчугана, наблюдавшего за всем этим.

Постояли в нескольких местах на берегу Чикоя, и под его мирное и строгое течение припомнили многое из прошлого...

ЧИКОЙ

Чикой – река моего детства. Как я помню, его почему-то всегда называли в мужском роде – «он», а не она – река. «Убежали купаться на Чикой», «рыбачат вверх по Чикою», «большая вода на Чикое» – было слышно постоянно.

К Чикою относились всегда уважительно, как бы «на Вы». Ведь эта быстрая и горная река, берёт свое начало где-то в гольцах Сахандо и несёт свои воды в реку Селенгу, которая в свою очередь пополняет озеро Байкал.

Когда мы подросли и стали Чикой переплывать, то выбирали место с учётом его стремительного течения. Ведь прямо, как равнинную реку, её (его) не переплывёшь, тебя обязательно снесёт течением, как бы ты сильно с ним не боролся.

Вода в Чикое всегда, даже в июльскую жару, холодная. Смешно, конечно, но после купания мы, как правило, грелись у разведённого на берегу костра. А уж дров Чикой приносил нам сам – и много. На его берегах были всегда ветки, брёвна, деревья, целые коряги. А местами – у берегов или мест впадения в него других небольших ручьёв и речек, образовывались целые заторы (плотинки) из всего этого, принесённого течением.

Их почему-то называли «лом». Наверное, потому, что в них были сломанные деревья, ветки и т.п. И чтобы далеко не носить дрова, около них мы и собирались, разводили костры и купались. Здесь же пекли картошку, рыбачили. Иногда не уходили с реки целыми днями – «пропадали на Чикое».

Своё русло Чикой иногда менял, смещался то в одну, то в другую сторону от села, подмывал крутые берега и обваливал их, образовывал протоки в широких местах. В этих протоках мы и купались. А иногда плавали и через основное русло Чикоя.

Одну из проток, как вспомнил мой брат Владислав, звали «Лахинской протокой». Она была на другом конце деревни – напротив дома Лахиных – большой и работающей семьи сельского механизатора. Мама часто хвалила их за трудолюбие и приводила в пример другим. Два Николая – Лахин и Ва-

сильев, или как мы их тогда каждого звали – Колька, верховодили на этой протоке во время наших купаний. Там был сделан мосток для ныряния и было постоянное место для костра. Ставились своеобразные рекорды по прыжкам в воду – «солдатиком» и «головой», устраивались заплывы через протоку и много всего такого забавного и интересного, увиденного нами в кино или вычитанного в книгах.

Летом в дождливую погоду или в жару, когда далеко, в верховьях реки, таяли ледники в гольцах, Чикой становился большим и суровым. Вода в нём мутнела. Могучее течение несло огромные вывороченные с корнями вековые сосны, лиственницы, ели и другие смываемые с берегов предметы и даже части каких-то, по-видимому, расположенных близко к воде, построек.

Уровень воды поднимался высоко. Вода заливала все широкие поймы и низкие места. Стадо деревенских коров в это время уже не могло ежедневно переплывать на ту сторону реки, где была хорошая трава, а паслось вдоль реки со стороны села.

При этом далеко разносился могучий и тревожный шум Чикоя.

Естественно, что прекращалась всякая рыбалка. Рыба не клевала, да и корму ей в мутной воде, по-видимому, было предостаточно.

Но как только большая вода спадала и Чикой вновь становился кристально чистым и светлым, рыбаки устремлялись

к нему.

Мой брат, Вовка, не мог сидеть летом без рыбалки. Он всё время мастерил новые и новые снасти.

Вначале мы делали «закидушки» – это не длинные лески с одним или двумя крючками на концах. К ним привязывали в качестве грузила камни и забрасывали в реку, предварительно закрепив другой их конец за колышек на берегу.

В то время жилка (леска) была большим дефицитом. Её старались тратить лишь на поводки к крючкам. А сами закидушки сплетали из ниток, катушки которых выпрашивали у бабушки и мамы. Их сплетали и «сучили» руками на коленях – получалась довольно прочная нить. Кстати, валенки в деревне подшивали тоже ссученными нитками, предварительно промазанными варом, наверное, для прочности и влагостойкости, которые назывались дратвой.

Особенно удачны были закидушки в ямах и на глубоких местах. На них попадался хариус, налим, ленок, чебак и другая рыбёшка.

Потом стали, по примеру старших, делать «перемёты» из шёлковых шнуров, покупаемых в сельповском магазине на деньги, взятые у родителей или скопленные в копилке. К ним на поводках из жилки подвешивалось большое количество крючков с червяками. И также, как закидушки, они забрасывались с грузилом, опять же из берегового камня, поперёк реки, предварительно размотанные с палки вдоль берега.

Когда перемёты вытаскивались, то, как правило, на них

всегда попадалось хоть немного, а иногда и много рыбы.

И закидушки, и перемёты ставились поздно вечером, а вытаскивались рано утром.

Брат, Владислав, вспоминает, что когда мама, встав подоить корову и выпустить её в стадо, будила их с Вовкой, то они, протирая со сна глаза, шли на реку проверять снасти.

Но с какой гордостью они затем несли домой добытый трудом улов на специально срезанной ветке прибрежного ивняка! Действительно – «охота пуще неволи»!

Больше всего Вовка увлекался рыбалкой на хариусов или, как мы их тогда все звали, – «харюзов». Для этого он делал специальную мушку-обманку из ярких перьев петуха, пуха дикого кабана и цветных ниток. Подбирал всё это под вкус рыбы, наверное, интуитивно или исходя из рыбацкого опыта.

Рыбалка велась на перекатах Чикоя – на самых быстрых местах-стремнинах. Удилища делали из берёзы или черёмухи. Обманка забрасывалась без поплавка и без грузила. Она велась на натянутой течением леске по поверхности воды.

Когда хариус схватывал обманку, делалась подсечка, а затем хариус выбрасывался на берег и отцеплялся с крючка.

У меня была в связи с моей быстрой реакцией резкая подсечка. Отец всё время говорил, что я рву губы харюзам. Они у меня действительно часто срывались в воду.

Владимир в этом деле был «мастак». За короткое время он мог «надёргать» немалое количество харюзков.

Наш дядя Тима всё время при встречах вспоминал, как

Вовка при его приезде к нам в гости быстро приносил с реки пойманную им рыбу – «в один момент наловит уже...».

Это были наши детские увлечения. А отец с Бураковым Василием Петровичем и Юриным Григорием Даниловичем рыбачили на спиннинг. Это было серьёзное занятие. Вовка позднее тоже стал с ними ездить на такую рыбалку, как правило, на Большую речку. Это была одна из речек, впадающих в Чикой.

Рыбалка велась днём – на блесну, а вечером и ночью – на

«мышья». Это деревяшка, обшитая каким-либо мехом, обычно мехом бурундука или белки, с тремя или пятью якорями разных размеров. Она забрасывалась спиннингом (без грузила) в реку, и ленок или таймень принимали её за плывущую по реке мышь. Иногда они пробовали её хвостом, а чаще всего схватывали сразу и становились добычей рыбака.

Таким способом добывались ленки, таймешата, а иногда и большие таймени.

Особо крупные таймени ловились, как правило, в утреннем предрассветном тумане, когда так хочется поспать... Головы некоторых из них даже не входили в ведёрные кастрюли, а в длину они достигали двух или даже более метров.

А как изумительно вкусен таймень жареный на простой деревенской чугунной сковороде! При этом он, наверняка, не уступает, а может быть даже и превосходит по своим вкусовым качествам различные другие рыбы и морепродукты, называемые деликатесными.

Богат был в то время Чикой рыбой. Но поймать её стоило немалого труда и сноровки...

В наш недавний приезд в Черемхово, Василий Петрович Бураков вспоминал, что действительно «...ловил тайменей на двадцать шесть – двадцать восемь килограммов...» и даже показал старые фотографии с рекордными уловами.

Вот его рассказ о лучении рыбы ночью острогой: «... «коза» (подставка для костра – *прим. автора*) стоит на лодке. Смолья «**понакладает**»... Один стоит – колет, другой – гонит. А лодкой уж не «**шабаркнешь**», чтоб об лодку стукнуть шестом... не спугнуть рыбу – сразу убежит... кверху гонишь лодку. И колоть надо уметь... Дед Михей, помните,

только меня брал лучить. Я же лёгонький, а он здо-ро-вый... Смолья «накладёшь», и он меня как катит... Ага... **Быстрина.** Я подмогать ему... надо. «Кого ты подмогаешь. Я один управлюсь. Рыбу гляди на быстрине. Только мимо не давай!». Раз... Раз... Раз. «Главное, что пойдёшь лучить – первую рыбину не вздумай промазать!» ...Первая рыбина... всё... а-а... так... хорошо. Фарт будет... и пошёл...

...На остроге четыре зуба и жало. С шестом метра три – чтоб на глубине лучить... держать острогу умело надо... .. Сейчас никто не ходит лучить...

...Вот **смольё** с сосны, с корней зажжёшь... Долго горит и **светит** браво...».

В Чикой впадает много рек и речушек. Выше нашей деревни, с противоположной стороны, в Чикой впадает речка с красивым названием Иссутай. Что это название означает, неизвестно. Река эта в малую воду очень даже безобидная – можно перебрести вброд на перекате. А вот в большую воду она становится шумной и могучей. В ней как бы просыпается огромная сила, она сливается с большой водой Чикоя и затапливает небольшие косы и острова. При обычном её уровне на ней очень любили рыбачить мои братья. Они уходили туда на целый день и усталые, но довольные, возвращались к вечеру, когда все мы уже очень о них волновались.

Именно там, на другой стороне Чикоя, был знаменитый в те времена иссутайский бор, состоящий из прекрасных устремлённых в небо стройных забайкальских сосен. Одно

любование ими доставляло тихую радость общения с великими творениями природы.

Вообще-то Чикой и вся его широкая, извивающаяся и простирающаяся на десятки километров в обе стороны долина – от одних гор до других – поистине прекрасны и изумительны!

Особенно это великолепно, если смотреть на долину Чикоя как бы с высоты птичьего полёта – с высокого хребта, который был за полями и покосами.

Это, наверное, ближний к деревне хребет. Мы забирались с братьями на него ранней зимой, по первому снегу, охотясь на белок. Дух захватывало от открывающейся панорамы. Виделось так далеко, особенно за ту сторону Чикоя, где были основные деревенские покосы, луга, болота и протоки. В солнечную погоду всё искрилось и было особенно праздничным и непередаваемо красивым.

Да и сама тайга в долине и прилегающих к ней горах также прекрасна – и зимой, и летом. Зимой – своей суровостью и строгостью, особенно в трескучие морозы. Летом – дурманящим и ни с чем не сравнимым запахом тайги, состоящим из запахов брусничника, багульника, мха и много другого.

Поэтому, слова услышанной в студенческие годы песни «...за туманом и за запахом тайги...» имеют самую реальную основу. И всякий раз истосковавшись в городах по «запаху тайги» и вновь оказавшись в тайге, вдыхаешь полной грудью этот запах, этот воздух, этот аромат трав, смолы и всего, всего такого знакомого с детства...

Так же забываем мною всю жизнь удивительный вкус черемховского земляничного варенья, которое бабушка варила на небольшой печке, сложенной прямо у нас в огороде, из собранных нами в лесу с братьями ягод!

Удивительно красивы горы – отроги Яблонового хребта. На них можно глядеть бесконечно. Вот эти за рекой – далёкие – они всегда кажутся синеватыми. А эти, с противоположной стороны деревни, – близкие – их видно в том цвете,

в каком они находятся в то или иное время года. Например, серо-белые – зимой и зелёные – летом. В любое время в них находишь что-то особенное и привлекательное. И всегда хочется заглянуть за эти горы – узнать, что за ними. Какая там жизнь? Несмотря на то, что знаешь, что за ними такие же горы и такая же кажущаяся безмолвной и действительно почти безлюдная на десятки и даже сотни километров тайга...

А выше нашего села по Чикою располагались небольшие селения и охотничьи зимовья. Один их перечень звучит таёжно-поэтично – Поварня, Харцага, Чикокон, Анга, Егоровка, Икшель, Семиозёрье, Ядрихино, Усть-Ямаровка... Все эти знакомые с детства названия отзываются в памяти новыми пригоршнями воспоминаний.

ШКОЛА

Школа была для всех в селе святым местом и пользовалась непререкаемым авторитетом и уважением. Тяга к знаниям, стремление вывести своих детей «в люди» и дать им образование были в то время огромными.

Построена школа была давно, до войны, в самом центре села, на высоком месте – из крепких лиственничных брёвен. Вид этих брёвен с годами не ухудшался, а приобретал всё более строгий и солидный оттенок. Во всём чувствовалась «рука мастера» – добротность и основательность. Видно было, что строили школу с большим старанием и прилежанием.

В одном из «крыльев» школы, где позднее располагалась «учительская», была «квартира» одной учительской семьи Кардашей, затем переехавших в г. Хилок. В детстве с их детьми мы и проводили время в школьном дворе – наш дом стоял как раз напротив. Так что школьный двор был для нас как бы и двором нашего дома.

Вначале, как мне помнится, школа была семилетней. Чтобы стать ей средней школой, требовалось соблюдение определённых требований: расширение количества учебных классов, наличия спортзала, производственных мастерских и т.п.

Когда моя мама – Евдокия Ефимовна Швецова (она оставила свою девичью фамилию), будучи в то время директо-

ром школы, в конце пятидесятых годов прошлого века, поставила эти вопросы на общешкольном родительском собрании, то все родители откликнулись на призыв оказать школе помощь. Было решено, что за каждого ученика родители привозят на строительство пристроек и спортзала школы по два строевых бревна.

И вот так общими усилиями был собран строевой лес. Затем мы, школьники, на уроках труда «шкурили» эти брёвна, то есть сдирали с них кору. А уже строители из промхоза, выделенные моим отцом – директором промхоза, возводили нужные школе постройки.

Конечно, к этому ещё следует, наверное, добавить то, с каким трудом мамой и её коллегами, были «выбиты» средства на расширение школы в районном и областном отделах народного образования, сколько нервов и сил было на всё это потрачено.

Зато с какой радостью потом ученики занимались в спортивных секциях в новом и впервые построенном в селе спортзале. Школа получила статус «средней образовательной школы», и нам повезло, что именно в ней мы получили среднее образование. А иначе, после седьмого класса пришлось бы ехать учиться за три десятка километров в Шимбиликскую среднюю школу.

Школа действительно была очагом культуры и знаний. Всё что в ней готовилось – концерты художественной самодеятельности, творческие встречи, новогодние и праздничные

вечера — делалось для всех односельчан. Жизнь школы и села были неразрывны.

Представители коллектива школы самоотверженно отстаивали честь школы и села на районных смотрах художественной самодеятельности и спортивных соревнованиях района по волейболу и баскетболу. При этом неоднократно завоёвывали призовые места, что служило предметом гордости всех односельчан.

А один председатель колхоза на районном совещании сказал: «...так это та школа, где любят поэзию». И действительно, мама и другие учителя русского языка и литературы, учительский и ученический коллективы активно увлекались поэзией. В школе часто проводились вечера поэзии, оборудовались в классах уголки любимых поэтов.

Этому же способствовал и созданный по инициативе Разумова Юрия Николаевича школьный радиоузел. Была организована трансляция не только в школе, но и на всё село. Ежедневно, в семь тридцать утра, звучала короткая передача «Мечтать, надо мечтать...». На регулярной основе и к праздникам звучали радиогазеты «Говорят погибшие герои», «Борцам за революцию» и другие.

Ещё, как мне помнится, Юрий Николаевич хорошо преподавал нам географию. Он открывал для нас новые страны, континенты и много всего крайне интересного. Журнал «Вокруг света», по его рекомендации, был у нас очень читаемый. А уж когда он стал преподавать нам экономическую

географию, то стало ещё интереснее. Ведь каждый из нас хотел стать специалистом своего дела и мечтал трудиться на благо страны на современном оборудованном по последнему слову техники предприятии будущего.

Вспоминаю, что в 1960 году, учась в четвёртом классе, по совету мамы я написал письмо Николаю Тихоновичу Ященко – директору Читинского книжного издательства, автору зачитанной нами «до дыр» книги «Босоногая команда», о мальчишках Забайкалья, принимавших вместе со взрослыми участие в борьбе с белогвардейцами и японскими интервентами в годы гражданской войны. Завязалась интересная переписка, и я до сих пор благодарен Н.Т.Ященко, что он так много времени уделил мне – навязчивому юному читателю из дальнего таёжного села. А переписку с ним и книгу с его автографом мама бережно сохранила и передала мне во время долгожданного, очередного, недавнего её приезда в Москву.

Но пусть не сложится такое впечатление, что все мы – тогдашние школьники – были уж такие послушные и радивые. И нас всех совершенно правильно и верно воспитывали и требовали от нас прилежания наши учителя и родители. Были среди нас и более хулиганистые, с которыми учительский коллектив немало мучился. Но всё это было как-то по-доброму, с учётом трудностей быта и сложностей того непростого времени.

Учителя у нас были замечательные и терпеливые. Сколь-

ко сил они потратили на всех нас, наверное, никому не известно!

Математиком «всех времён и народов» для нас была Татьяна Дмитриевна Соболева. Теперь я уж не вспомню, с какой девичьей фамилией она начала работать в школе после приезда по направлению из Ярославского пединститута.

Впоследствии она вышла замуж за коренного черемховца Николая Кузьмича Соболева, работавшего тогда в промхозе заведующим заготовительным пунктом. Она учила нас логичности в математике, приучала рассуждать при решении задач и искать наиболее рациональные пути их решения. Это же я позднее старался привить и своему сыну – Владиславу, помогая ему в выполнении школьных домашних заданий по арифметике и математике. Этот «рационализм» так мною усвоился, что я всегда при принятии любого решения стараюсь искать наиболее рациональное, простое и с минимальными затратами.

Её уроки таких трудных для школьников предметов, как математика, геометрия и тригонометрия были интересны и увлекательны. Они проходили в поиске лучших способов и путей решения задач и примеров. Этот поиск мы продолжали затем уже после уроков – при выполнении домашних заданий, а уже на следующих уроках, которых мы с нетерпением ждали, происходила сверка наших решений.

В начальных классах нас с братом учила Иванова Татьяна Николаевна. Она с первых наших шагов стремилась сделать школу для нас вторым домом, давала нам массу полезных и

жизненных знаний, прививала навыки познания мира. Многие её практические советы я помню до сих пор.

Примечательно, что наши учителя всегда старались приободрить и поддержать любое стремление учеников к знаниям. Тем самым создавался общий настрой и порыв к овладению современными и перспективными профессиями.

Именно в те времена в школах внедрялась «политехнизация» – овладение приёмами рабочих профессий. На уроках труда осваивались навыки столярных, слесарных и токарных работ, элементы плотницкого ремесла. А в старших классах под руководством прекрасного специалиста своего дела и душевного человека, Иванова Николая Феокистовича, изучались основы механизации сельскохозяйственных работ и автодело.

По инициативе клубного киномеханика Мельникова Анатолия Васильевича были организованы курсы киномехаников. Мы основательно изучали основы кинодемонстрационной техники, а затем успешно сдали экзамен и получили настоящее квалификационное удостоверение кинодемонстратора. И затем мы с гордостью организовывали показы учебных кинофильмов для других классов и по очереди помогали киномеханику в клубе. А киномеханик в те времена, когда в селе ещё не было телевидения, был, как говорят, – «первый парень на деревне».

Летом в школе создавалась ученическая производственная бригада и ученики старших классов в две смены жили

в палатках в лесу, работали на полях и отдыхали. Нам даже доверили штукатурить стены нового пристроенного здания школы. И мы учились делать раствор, набрызг, затирку и другие строительные работы.

А уж заборы вокруг школы под руководством учителя труда, «краснодеревщика», золотых рук мастера-столяра Буракова Василия Петровича мы строили и ремонтировали постоянно. Потом я с братьями строил и ремонтировал заборы и постройки у себя дома. А некоторую мебель, сделанную Василием Петровичем по заказу мамы – буфет для посуды, фигурную этажерку, подставки для цветов – она перевозит за собой всю жизнь, с места на место и как память, и как добротные вещи.

Для нашей семьи тогда понятие «школа – второй дом» имело несколько другой смысл, нежели для других учеников. Скорее всего, школа была для нас одновременно и первым, и вторым домом, поскольку наш дом находился внутри ограды школы, где-то на расстоянии двадцати-тридцати метров от её основного здания. И долгие годы мы не были отделены от школы даже забором. Школьный двор являлся для нас и домашним двором – здесь мы играли и бегали. Несколько позже мы выгородили забором свой внутренний двор – однако всё равно вся наша детская жизнь и летом, и зимой проходила в школьном дворе, и именно через него шли все наши пути-дороги.

В противоположной от нашего дома стороне школьного

двора располагался интернат. В нём, при заботливом отношении завхоза школы Агрипины Леонтьевны Хлызовой – тёти Груши, жили ученики из дальних сёл. Поэтому собрать любую команду было легко. Только начиналась игра, так желающих всегда было много. На шум и звуки к вечеру в школьный двор и к клубу подтягивались и другие сельские ребята. И до позднего вечера, до темноты устраивались различные игры – в волейбол, в футбол, а особенно – в лапту. Эта старинная игра была в то время очень популярна. Были свои мастера резких ударов по мячу и мяч улетал очень далеко – его подолгу все искали. Было всем интересно и увлекательно.

И вообще, школа, школьный двор и расположенный рядом клуб были местом встреч, игр и отдыха. Сюда – в центр села – как магнитом притягивало всех односельчан, а особенно молодежь.

Радостным для нас событием было проведение выборов. Обычно это было в марте. Солнце уже светило по-весеннему, хотя ещё стояли холода и везде было много снега.

В школе, начиная с пятницы, оборудовали избирательный участок. Парты с ряда классов уносили в другие классы и ставили в конце коридора – одну на одну – в два этажа. В субботу, как правило, отменяли уроки – и мы радостные занимались своими делами.

Вокруг школы и днём и вечером проявлялась повышенная активность, – развешивались транспаранты, оборудовались кабинки для голосования, буфет, комната отдыха, звукоусиление. Вечером устраивалось дежурство на избирательном участке. И в обычно тёмном по субботам здании

школы всю ночь горел свет в окнах. Электростанция в дни выборов работала круглые сутки, а не как обычно – до половины первой ночи.

Особенно интересным был сам день выборов. В ходе него происходило многое. Были песни, пляски, танцы. Из динамиков, установленных внутри и снаружи здания школы, звучали любимые всеми «Севастопольский вальс», «Москва майская», «Летят перелётные птицы» и другие песни. На са-нях и в кошёвках приезжали голосовать жители ближних сёл и деревень. Происходили встречи, велись всякие разговоры, возникали разные истории, которые потом ещё долго всеми вспоминались и пересказывались. Телевидения и домашних телефонов тогда ещё не было, но зато всё происходящее было всем интересно и привлекательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.